

KOMITET REDAKCYJNY

Feliks Czyżewski

Michał Łesiów

Michał Sajewicz

Stefan Warchoła – przewodniczący

Piotr Ziótkowski – sekretarz

Księga referatów

VII Międzynarodowej Sławistycznej

Konferencji Naukowej

Kazimierz Dolny, 21–24 listopada 1997 roku

*Słowiańskie
composita
antroponimiczne**Pod redakcją
Stefana Warchoła**Wydawnictwo
Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej
Lublin 2000*

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

- Бойковски 1984, *Paraenesis die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syres*, 1. Bd., Herausgegeben von Georg Bojkovsky, Freiburg i Br.
- Бойковски, Айтцет-мюлер 1988, *Paraenesis die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syres*, 4. B., Herausgegeben von Georg Bojkovsky und Rudolf Aitzetmüller, Freiburg i. Br.
- Байер 1987, *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts*, Herausgegeben von Eckhard Weiher unter Mitarbeit von Felix Keller und Heinz Miklas.
- Давидов 1976, Ангел Давидов, *Речник-индекс на Презвитер Козма*, София.
- Димитров 1995, Пейо Димитров, *Петър Черноризец*, Шумен.
- КМЭнциклопедия 1985, *Кирило-Методиевска енциклопедия*, София.
- Словар 1994, *Старославянский словарь рукописям X-XI веков*, Москва.
- Срезневски 1989, И. И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*, (Репринтное издание), Москва.
- Суперанская 1977, А. В. Суперанская, *Имя и эпоха (к постановке проблемы)*. В: „Историческая ономастика“, Москва.
- Супр. сб. 1982–1983, *Супраськи или Ретков сборник в два тома*. Издатели: Йордан Занков и Марио Капалдо, София.
- Шевалие, Геербрант 1995, Жан Шевалие, Ален Геербрант, *Речник на символите*, София.
- Ягич 1899, V. Jagic, *Die slavischen Komposita in der ihren sprachgeschichtlichen Auftreten*, „Archiv für slavische Philologie“, 20, Berlin.

Morphological Structure of Compound Nicknames in Old Bulgarian Literature

Summary

The paper discusses compound nicknames of the type *златоустъ*, (*Иван Златоустъ* or *богословъ* (*Иванъ Богословъ*, *Григорий Богословъ*)) in the semantic-pragmatic aspect. The morphological structure of these nicknames was shown on the basis of the reconstructed Proto-Slavonic syntagm. The compound name transformed into a semantic onymic sign has far greater connotation possibilities that specifically contribute to the transforming of the compound name into a nickname.

Бранко Тошович

Грац

Глагольность ономастических композитов

Под понятием глагольности ономастических композитов (ОК) мы подразумеваем отражение в сложных словах глагольного суперденотата, который мы называем дирестатом, по первым буквам трех денотатов — динамики (действия), реляции (отношения) и статики (состояния), т. е. его частей (дистатика, дирелата, релатика) или его элементов (действия, состояния, отношения). Сюда в первую очередь относятся глагольные (вербальные) имена (*Скалозуб*¹) или имен в форме предложения с глагольным компонентом (*Панибудъласка, ристибаконжукру*). Как известно, двучленные имена унаследованы из преславянской эпохи и не исключено, что это окаменевшие пережитки из доевропейского имени-предложения типа *Dabiživ* 'da bi bio živ', ('чтобы он был жив'), *Vladislav* 'da bi bio slavan u vlasti, vladanju' ('чтобы он был славным в владении' — *Leksik prezimena* — 1976, IX.² Предполагается, что первичную антропонимическую структуру всех народов составляли монолексемы (мононимы); позднее появились двучленные имена (номен-номен, номен-verbum). В индоевропейском языке были представлены все три типа (монолексемы, двучленные имена, имя-предложение). Постепенно исчезал тип имя-предложение³, некоторые корни превращались в суффиксы, полусуффиксы, суффиксоиды и префиксы (напр. *-mir*, *-slav*). Антропонимическая формула у славян упростилась и формировались четыре типа: 1) монолексемы, 2) двучленные имена

¹ В настоящей работе все примеры выделяются полужирным шрифтом. Кроме того, их глагольная часть всегда подчеркивается.

² Возникновение двучленных имен некоторые объясняют тем, что на уровне общества двучленное имя являлось „более изысканным, серьезным, ценным“ (Putan — 1976, IX).

³ Но они сохранились во всех славянских языках, напр. в македонских прозвищах, члены которых пишутся отдельно: *Бог да го прости* 'прогласио се болесним, би избегао одлазак на фронт', *Ти што му рече* 'да би се разним питаньима задрж човек са товаром на леџима' (Стоматоски — 1981, 484).

3) деривационные имена (имена, образованные при помощи суффиксов и префиксов), 4) сокращенные имена.

Глагол является вместе с именем существительным центральной частью речи. Основная разница между ними состоит в том, что существительное является носителем дискретности (прерывности), в то время как глагол выражает непрерывность. Эти две части речи образуют различные парадигматические и синтагматические отношения, которые сводятся к их (не)совместимости. Глагол и существительное характеризует парадигматическая несовместимость, т. е. существуют очень ограниченные возможности употребления обеих частей речи в одном и том же контексте в качестве эквивалентов типа: *Мальчик уже ползает.* — *Мальчик уже ползун.* Зато их отличает синтагматическая совместимость — глагол и имя выступают в самых различных сочетаниях и образуют грамматическую и семантическую основу предложения. Основная связь существительного и глагола — это сочетание подлежащего и сказуемого (субъекта и предиката). На денотативном уровне они отличаются тем, что имена существительные преимущественно выражают предметность, а глаголы процессуальную признаковость. На синтагматическом уровне за глаголом закрепляются, как правило, функция предикативности (глагол не называет предметы, а указывает на их процессуальные признаки и отношения), а за существительным функция номинации (они именуют предметы без указания на их связи). На парадигматическом уровне глагол и существительное проявляют совместимость лишь в ограниченных случаях. Процесс деривации протекает в обоих направлениях: глагол → существительное, существительное → глагол. Ср. *любить* — *любовь*, *разрешить* — *разрешение* (глагол → существительное), и *коса* — *косить* (существительное → глагол). Бывают случаи, когда глагол и существительное формально совпадают. В русском языке это единичные случаи (*знать*, *печь*, *пасть*, *пропасть*, *стать*), в то время как в немецком языке такое явление широко распространено: образование имен существительных из глаголов при превращении строчной буквы в прописную и добавлении актикла является очень продуктивным способом (*leben* — *das Leben*: жить — жизнь, *wissen* — *das Wissen*: знать — знание).

Ономастиология (ономатология), имеющая в качестве предмета исследования обозначение, номинацию предметов и выражение понятий лексическими и лексико-фразеологическими средствами, и ономастика, изучающая собственные имена, имеют сугубо субстантивный характер, так как их предметом является одна часть — имя существительное,

которое выступает как номинативная единица в различных морфологических формах и типах деривации.

Исходя из семантики глагола, в ОК наблюдается довольно противоречивая ситуация. Она проявляется в следующем. В отличие от имени прилагательного и существительного, глагол указывает на временный характер действия, на действие в данный момент (ср. *висячий*, *висение* — *висящий*), но в ОК глагол выражает постоянные свойства, постоянные характеристики, напр. в прозвище *Виноход* (т.е. иноход, иноходец) 'человек, выбрасывающий вперед при ходьбе правую руку вместе с правой ногой, левую руку с левой ногой'. В онимах семантика глагола застывает, она превращается в окаменевшее образование.

Глагол является нетипичным средством создания ОК, потому что семантика глагола сопротивляется более широкому ономастическому использованию. Вообще, в функции собственных имен выступают только имена, которые, правда, могут быть образованы и от глаголов. Но глагол не может стать собственным именем, не потеряв свою основную функцию. Поэтому, правы те, которые утверждают, что собственных глаголов быть не может и что фамилии, образованные от глаголов, покидают глагольный ряд и приобретают грамматические характеристики имени — они склоняются, получают согласованное определение и т. п. (Суперанская / Суслова — 1981, 115).

Так как ОК является однословным сложным именем собственным, имеющим в своем составе не менее двух корневых морфем, ставится вопрос: в каких комбинациях выступает глагол в таких образованиях. В принципе можно сказать, что глагол встречается в юкстапозитивных композитах — сложных собственных словах возникающих простым соединением двух или более слов.

В структуре ОК выделяются две части. Первая часть преимущественно имеет более узкое значение (видовое значение) и выполняет определяющую, атрибутивную функцию; она уточняет характер второго члена. Вторая часть, как правило, является основным элементом, определяемым членом. Здесь существуют две возможные комбинации: а) глагол + глагол, б) глагол + неглагол (другая часть речи). Первый случай дает полные глагольные ОК, второй порождает только полуглагольные ОК. В исследуемом нами материале славянских языков мы не обнаружили примеры первого типа, поэтому говорить о глагольности ОК значит говорить о связи второго типа. В немецком языке, наоборот, возможна комбинация глагол + глагол, напр. *kennenlernen* (познакомиться), *spazierengehen* (гулять, прогуливаться), *sitzenbleiben* (оставаться второй год, напр. в классе; не

nichnichtan (бот. недотрога), *der Springinsfeld* (ветрогон, шалун), в сербохорватском *visibaba*, *Popivoda*, *Pletikosa*.

Императивидные ОК существуют во всех славянских и во многих индоевропейских языках и по-разному толкуются. Главный вопрос состоит в том, почему они возникли и что такие образования выражают.

В русском языкознании преобладает мнение о том, что это императивные формы. Академическая грамматика выражает довольно осторожную позицию, не провозглашая глагольную часть императивом, а омонимичными формами повелительного наклонения (ГАН — 1980, I, 43). „Они называют предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся таким действием, которое связано с предметом, названным опорным компонентом” (ГАН — 1980, I, 43). И некоторые другие авторы выражают в формулировках подобную осторожность. Так А. В. Суперанская и А. В. Суслова говорят о том, что образованные от глагольной основы фамилии обычно совпадают с формами повелительного наклонения, и, как правило, именно в этих формах глагольная основа выступает в своем чистом виде (Суперанская / Суслова — 1981, 115). Л. Булаховский рассматривает повелительное наклонение в сложных словах как индуцирующую категорию (Булаховский — 1968). Он утверждает, что сложные слова отражают индукцию императива.

Чтобы разобраться в данном вопросе, мы провели анализ шести русских источников (словарей ономастической лексики) и обнаружили 173 глагольных антропоноимических композита. Императивиды представлены с 34 примерами или с 19,65%. Ни один из глаголов в ОК не обладает большой частотностью — самый употребительный глагол *бороться* составляет 3 примера: *Боримир*, *Борислав*, *Братислав*. В основе двух примеров находятся глаголы *владеть* (*Владимир*, *Владислав*) и *гореть* (*Горислав*, *Горихвостов*). С одним примером представлены остальные глаголы (*покинуть*, *будить*, *вернуть*, *знать*, *греметь*, *драть*, *загубить*, *крутить*, *мстить*, *радеть*, *родить*, *расти*, *творить*, *терпеть*, *убить*, *твердить*: *Покинъчереда*, *Будимир*, *Вернидуб*, *Гонимедов*, *Гремислав*, *Дерикорчма*, *Загубисундук*, *Крутиголова*, *Мстислав*, *Радимир*, *Родислав*, *Ростислав*, *Творимир*, *Терпигорев*, *Убийволк*, *Твердислав*). Все глаголы относятся к различным лексико-семантическим группам: глаголам физического действия (*поднять*, *крутить*, *родить*, *драть*), глаголам психического действия (*мстить*), глаголам движения (*знать*), глаголам процессов (*варить*), глаголам отношения (*владеть*, *будить*, *убить*, *бороться*), глаголам психического состояния (*терпеть*), глаголам физического состояния

(*гореть*, *расти*), глаголам звучания (*греметь*). В субстантивной части больше всего ОК с окаменевшим корнем *-слав-* (*Борислав*, *Братислав*, *Владислав*, *Горислав*, *Гремислав*, *Мстислав*, *Радислав*, *Ростислав*, *Родислав*, *Твердислав*) — всего 10. Второе место занимает крень *-мир*: *Боримир*, *Будимир*, *Владимир*, *Радимир*, *Творимир*. Третье *-вода*: *Варивода*, *Паливода*. Два примера относятся к животным (*Лупирыба*, *Убийволк*) и растениям (*Вернидуб*, *Лупибереза*). С одним примером представлены остальные корни, называющие части человеческого тела (*Крутиголова*, *Лупинос*, *Подыминогин*), части тела животных (*Горихвостов*), предметы (*Варибрус*, *Загубисундук*), жидкость (*Паливода*), пищу (*Гонимедов*), объекты (*Дерикорчма*), пейзаж (*Закривидорог*), отвлеченные понятия (*Нагнибеда*, *Покинъчереда*, *Терпигорев*).

Один русский пример вызывает особый интерес. Это апреляты *Крутигаврило*. Во время первой мировой войны грузовые поезда долго ждали на вокзалах, поэтому к машинистам обращались, используя такое сложное слово. Один из машинистов был некий Гаврило. Частым употреблением это выражение перешло в штамп (относилось к машинистам всех поездов), а затем в сложное прозвище *Крутигаврило*, которые получали все машинисты грузовых поездов. Потом оно стало апеллятивом. Польский исследователь Анатол Миrowsкий один из первых обратил внимание на этот пример (Mirowski — 1946). Югославский лингвист Михаило Стеванович его рассматривает как императивный композит (Stevanović — 1957).

Императивидные ОК встречаются в различных типах русских апрелятивов, апропонимов, фитонимов и т. п.: *перекати-поле*, *Горихвостов*, *Подыминогин*, *Терпигорев*, *Гонимедов*, *Держикрай*, *сорви-голова* (*сорви-голова*), *держидерево*, собственное имя *Взвернигуб*, *горицвет* — в немецком *das Adonisröschen*, *держидерево* — *der Christus-dorn*, *растигор*, *болиголова* (*gefleckter Schierling*), *нечуй-вети* (травя). В сербохорватском языке они также широко представлены напр.: *Deriguska*, *Mlatišuma*, *Močibob*, *Močivuna*, *Pletikosa*, *Popivod*, *Puzigaća*, *Rodimir*, *Strižirep*, *Trpimir*, *Vrtirep*; топонимы — *Ležimi*, *Hladivode*. В украинском языке их особенно много: *Варибориц*, *Варивда*, *Вернигора*, (Jurkowski — 1984) *Вернидуб*, *Горицвіт*, *Грайхвил*, *Гуляйвітер*, *Дожуйшмат*, *Жнидоля*, *Забериногу*, *Забудьдоля*, *Зівійвітер*, *Задериноса*, *Затулівітер*, *Косиполе*, *Котигорошок*, *Кртивус*, *Крутириг*, *Ломикамінъ*, *Майборода*, *Нагнибіда*, *Недайбор*, *Непийвода*, *Непийливо*, *Нечуйвітер*, *Паливода*, *Перебийніс*, *Прекотиполе*, *Печибориц*, *Підкуйчобіт*, *Піймайвітер*, *Піймайвор*

Робиволя, Тягниборода, Тягнирядно, Цеитисад, Шумизгай.⁹ Исследуемый материал показывает, что украинский язык больше всех славянских языков развил глагольные ОК, в том числе и императивидные. В этом плане богатейший материал предоставляет „Ре-естр Вийська Запорозького 1649 року”, который содержит прозвища 40 000 запорожских казаков (Ре-естр — 1995).¹⁰ Казаков записывали в Запорозжское войско не под настоящими фамилиями, а под прозвищами в первую очередь в целях сохранения их безопасности (так как многие из них бежали). В одних случаях в список вносили только имя (*Радко, Микита, Богдан*), в других воинское звание и прозвище (*атаман Лапа*), в третьих только прозвище (*Трусченко*), в четвертых (в преобладающем случае) имя и прозвище (*Грицько Говоруха, Павло Жданенко, Гришко Надточийенко*). Глагольные ОК представлены примерами типа: Миско *Пивоваренко*, Миско *Чорномаз*, Степан *Верховодченко*, Иван *Кривопустенко*, Семен *Нездомимшапка*, Иван *Чорномазенко*, В этих списках оказалось немало императивидных ОК: Иван *Недайборщенко*, Креско *Непивоженко*, Миско *Ломинога*, Миско *Покинборода*, Моисей *Продаивод-енько*.

Вообще, во всех славянских языках императивидные ОК встречаются, напр. в болгарском *Боримечков / Боримечката, Браинимиров, Гонимзклов, Деризимов, Калипилев, Кзргизгоров, Палигоров*¹¹, в македонском прозвища (прекари) *Лалникандиловци, Тенаймайка*, фамилии *Газибаба, Газивода, Палигора, Паликука, Палислама, Плетикоса, Варизельев, Тенаймажоски, Боримечка / Боримечкоски*, типонимы *Скочивир, Подржиконь, Варикашовци, Газимечковци, Трчилажовци*¹², в сло-

⁹ Эти примеры (их всего 84) мы получили от Оксаны Леонтьевой из Киева, которая среди своих студентов провела анкету, попросив написать украинские фамилии, в которых встречается глаголы.

¹⁰ В XVI–XVIII вв. существовала общественно-политическая и военная организация украинского казачества за Днепровскими порогами под названием Низовое войско Запорозжское или Сечь Запорозжская. Она появилась в связи с наступлением литовских и польских феодалов на Украину и постоянными нападениями крымских татар. Сечь Запорозжская была своеобразной казачьей республикой. Каждый казак был обязан нести военную службу за свой счет. Суровые условия жизни влияли на то, что на Запорожье почти не было семейного населения. Запорожцы участвовали во всех крупных крестьянско-казачьих восстаниях с конца XVI в. Сечь Запорозжская была убежищем для многих угнетенных. Более подробно см. Большая — 1971, 23, 327–328; История Украинской ССР — 1982, 65–72; История Украинской ССР — 1953, 172–181.

¹¹ Примеры нам сообщила Красимира Колева, преподаватель кафедры болгарского языка Шуменского университета.

¹² Широкий список императивидных ОК в македонском языке приводит Коробар — 1972.

вацком *Vodupil*, в чешском *třasírítek*, в польском *Kopajgród, nosiwóda*, в словенском *Obesibog, Pecigost*.

Широкое распространение императивные имена получили в романских языках (особенно во французском), где они лишены специфической стилистической окраски, напр. *porte-plume* ручка, *perce-neige* подснежник, *abat-jour* абажур, *rendez-vous* свидание (ср. соответствующую кальку в немецком языке *Stelldichein*) — Соколова — 1953, 147.

Как видно, во всех индоевропейских языках императив появляется в первой части композиты (в повседневной речи он может стоять и в постпозиции, ср. Книгу *возьми*). Лишь в украинском языке мы нашли примеры с императивом в постпозиции: *Дармогрий*.

В югославской лингвистике вопросом императива в композитах начали заниматься уже в XIX веке. Так, в 1884 году Стоян Новакович в „Сербской грамматике” пишет о сложных словах, образованных от императива и имени существительного: „U ovih osnova spaja se zapovedni način raznih glagola s imenicom koja je, prema glagolu od koga je zapovedni način, upotrebljena nekad u položaju podmeta (izvršnika one radnje glagolske), nekad pak u položaju predmeta, kojim je obično kazano ono na čemu se radnja glagolska izvršuje. Ako je imenica u položaju predmetnoga četvrtoga padeža, ona se ipak uvek ostavlja u obliku prvog padeža. U ovoj vrsti složenih osnova najviše se upotrebljuje zapovedni način prelaznih glagola. Primeri. *Čisti-kuća, gazi-blato, deri-guša, draži-vaška, gladi-brk, grabi-kapa, ispi-čutura, kaži-put, kradi-koza, lomi-gora, mrsi-petka, nadri-knjiga, nazovi-rod, pali-kuća, pleti-kosa, vadi-vek, visi-baba, svrzi-brada*” (Novaković — 1894, 139–140).

Но о сербохорватских императивидных ОК первый более подробно писал Томо Маретич (Maretić — 1899).¹³ Он считал, что глагольная часть в примерах типа *čistikuća* (жена која кућу čisti), *draživaška* (koji vaške, tj. pse draži), *ispičutura, muzikrava, pamtivijek* (vijek koji se pamti), *visibaba, vucibatina* („1. čovjek, koji šeće s batinom, 2. rdav čovjek, koji za sobom kao vuče batinu, koja će ga biti”), *plačidrug* (drug koji plače) имеет форму повелительного наклонения, но не имеет императивное значение: „Glagolski oblik u ovijem složenicama upravo je 2. lice jednine zapovjednog načina, ali bez zapovjednog značenja. Sva je prilika, da su iznaj-prije u ovakijem složenicama bili glagoli, koji idu u IV. vrstu, kojima se osnova svršuje na i, na pr. *čistikuća, draživaška* (ispor. *čistiti, dražiti*); tu oblici *čisti-, draži-* upravo su osnove glagolske, a narod ih je po malo počeo osjećati kao zapov. nač., pa kad se to osjećanje utvrdilo, onda su mogle na-

¹³ До Т. Маретича сложные слова упоминает Джуро Даничић (Daničić — 1867).

druga značenja u kojima se ovaj oblik (on sam ili drugi modalni oblici čiju službu je on preuzeo), pretpostavljamo i u kojima se danas — to je poznato — upotrebljava” (Stevanović — 1957, 16). М. Стеванович приводит два аргумента в пользу императива. Во-первых, ударение первой части композита совпадает не с презенсом, а с императивом: в таких сложных словах в первой части используется краткое восходящее ударение на *i* (*molibog*, *nosipuška*), в то время как в презенсе стоит краткое нисходящее ударение (*moli:m*, *nosi:m*). Во-вторых, значения подтверждают, что здесь речь идет об императиве. М. Стеванович имеет в виду квалификативное значение императива в форме повествовательного императива (istorijskog imperativa) типа: *Godine se nadovezaše dobre, ja udri, radi od jutra do mraka, a žena opet zavezuj novce u trista uzlova, mesi, peći, sama, te bog pomaže*” (Stevanović — 1957, 17). При помощи повествовательного императива выражаются повторяющиеся, постоянные действия в прошлом, действия, которые по привычке происходили, которые длились постоянно или более длительное время, так что эти действия стали характеристикой деятеля. Поэтому такая глагольная форма имеет квалификативное значение, которое является более адъективным, чем глагольным. М. Стеванович приходит к выводу, что большинство императивных композитов можно толковать как квалификативное употребление императива. Этот исследователь предполагает, что в отдельных языках могут быть и другие оттенки значения императива, но во всяком случае непрерывность, продолжительность, а еще больше повторяемость действия, обозначенного императивом, явилось основой для образования сложных слов с императивом в первой части. И поэтому нельзя утверждать, что здесь есть только форма императива, но нет значения императива (как это считал Томо Маретич).¹⁴ Его общий вывод гласит: значение постоянного, повторяемого действия послужило основой для создания императивного имени. В более поздней работе М. Стеванович еще раз возвращается к данной проблеме и еще раз подчеркивает, что эти формы „совсем правильно” названы императивными сложными словами (Stevanović — 1975, I, 412). В частности, он останавливается на названии цвета *visibaba* (подснежник) в сербохорватском языке: „... *visibaba* nije, iako su neki lingvisti tvrdili, i kako se uglavnom dosad kod nas mislilo, postalo od *vešaj babu*,¹⁵

¹⁴ В подтверждение этого тезиса М. Стеванович ссылается на русский язык, в котором повелительное наклонение используется для обозначения обязательного действия: А женщина — что бедная наследка. *Суди* себе, да выводил циплят.

¹⁵ Так думал А. Велич, который писал, что фитоним *visibaba* возник из *visibabu* (т.е. „*vešaj babu*”) — Belić — 1949, 38.

nego baš od *visi baba*; nije postala od glagolskog oblika i njegove objekatske dopune, nego od imenice u službi subjekta i njegova predikata. Tako su postale i druge, za njom navedene složenice. A sve ove su opet esocentričkog karaktera, dok su one prve — eksocentrične¹⁶: *smdribuba* je upravo *buba koja smrdi*, vodena stenica, a *trčilaža* — *laža, lažac, lažov koji trči* (т.е. *žuri da bi što više laži proneo*). Takve su isto i *Skočidjevojka*¹⁷ i *plačidrug*. U drugih od njih su sastavni delovi još pre srastanja u složenicu upotrebljavani u prenesenom značenju, a to je isto značenje ostalo kod njih i u složenici. U *visibava* ne konstatuje se da baba visi, т.е. da je baba visila (*visi* je vrsta pripovedačkog imperativa), nego da poguren kao baba visi poznati cvet, a glavno je da je to nešto drugo, samo ne baba. I *pas* se u *letipas* upotrebljava, kao što se, upotrebljavao i u rečenici od koje je složenica postala, u prenesenom značenju — onaj što kao pas trči, т.е. juri, vetrogonja” (Stevanović — 1975, I, 412–413). М. Стеванович утверждает, что при помощи императивных сложных слов называются живые существа, которые совершают действия, выраженные первой частью композита. „Обликом императива u ovakvim slučajevima kazuju se radnje što su se češće vršile — tačnije ponavljale (v. to u II delu). Kada neko ove ili one radnje ponavlja po običaju, ili po nekoj navici, to onda postaje njegovom osobinom, a prema osobinama se obično i dobivaju nazivi kakve imamo u gore datim imperativnim složenicama.” (Stevanović — 1975, I, 413).

В немецком языке также существуют ОК с императивными формами. В нем иногда предложение субстантивируется вместе с именем, служащим обращением, напр.: *der Hans-guck-in-die Welt, das Tischleindeckdich* (скатерть-самобранка) — Степанова — 1953, 146. При этом может выпадать или усекается артикль: *der Störenfried* (возмутитель спокойствия) ← *stör den Fried*. В немецком языке императивные имена имеют, как правило два ударения: главное ударение несет ударный глагольный слог, второстепенное — обычно последний слог всего композита. „Императивные имена засвидетельствованы, начиная со средневерхнемецкого периода... Их происхождение разные лингвисты объясняют по-разному. Однако ни одно из этих объяснений не является удовлетворительным. Несомненно лишь то, что здесь имеет место один из типов метонимического переосмысления” (Степанова — 1953, 146). Большинство таких имен является именами или прозвищами людей: *der Habenichts* нищий, бедняк, *der (das) Tunichtgut* бездельник,

¹⁶ М. Стеванович, использует выражения *esocentričke* i *eksocentične* složenice А. Велича, не ссылаясь на него (см. Belić — 1949, 33).

¹⁷ Так называется место на Черногорском побережье, откуда, согласно легенде, одна девушка прыгнула в море и покончила с собой.

der *Störenfried* нарушитель спокойствия. Своеобразными эвфемизмами надо считать прозвища черта: *der Fürchtegott*, *der Gottseibeiuns*. Императивные имена встречаются и в других типах ономастической лексики: в зоономах — кличках животных, напр. собак *der Packan* (в дальнейшем кличка полицейского), *der Faßan*, птиц (*der Wendehals*). „В качестве наименований предметов императивные имена употребляются редко и лишь в связи с приравнением их, к живым существам (олицетворением), напр.: *das Stehaufmdnchen* (ванька встанька; сокращенно *Steheufchen*), *das Tischleindeckdich*, *der Schreck-den-Gast*, *der Schreck-den-Feind* (средневековые названия крепостных башен), *das Schmücke-dein-Heim* (безделушки и некоторые другие)” — Соколова — 1953, 147. Иператовидные ОК характеризуются отсутствием склонения, точнее большинство из них не изменяется по падежам *das*, *des Schmücke-dein-Heim* (однако: *das*, *des Vergißmeinnichts*). В немецком языке грамматический род обычно зависит от значения (имена одушевленных предметов — мужского рода, неодушевленных женского рода, ср. *der Tunichtgut*, *das Vergißmeinnicht*). „Императивные имена представляют собой семантически замкнутую группу слов благодаря своей своеобразной стилистической окраске. Названия и прозвища людей, частично животных и предметов, относятся к экспрессивной лексике, носят фамильярный или иронический характер. Сходную стилистическую окраску имеют, как мы видели, и многие бахуврихи¹⁸” (Соколова — 1953, 147).

Таким образом, большинство авторов склоняются к тому, чтобы в глагольной части видеть императив. Лишь некоторые лингвисты считают, что речь идет о неимперативной форме, а именно о настоящем времени (3-е лицо), аористе (Новак: Булаховский, 137) причастии (Маретич, Брабец/Храсте/Живкович), чистой глагольной основе, субстантивной части (*-i-* является соединяющим элементом, как *-o-*: имя + *-I-*)¹⁹. Но каждое из объяснений имеет свое уязвимое место. Рассмотрение глагольной части ОК как императива страдает неоднородностью: в одном случае сложное слово имеет императивный характер, в другом — нет. Самая слабая точка в таком толковании состоит в том, что се-

¹⁸ *Bahuvrihi* — термин, применяемый еще в индийских грамматиках (букв. много рису, имеющий много рису), объединяет два вида сложных слов: прилагательные типа *barfuß*, которые в прошлом были существительными, но выполняют функцию прилагательных, и существительные типа *Grainkopf*, представляющее собой наименование целого по части, т. е. особый тип метонимического переосмысления (Соколова — 1953, 131).

¹⁹ А. Минович допускает возможность, что во первой части может быть и имя (Mirowicz — 1946).

мантика императива плохо укладывается в общее значение композита. Семантически самым близким рассматриваемой формы является настоящее время в кваликативном значении (указывающем на постоянные свойства, характеристики), но данная форма во многих случаях не совпадает с формой настоящего времени. Лишь в некоторых случаях форма на *-и* близка аористу (напр. *Skočidjevojka*) и причастию (почти все сербохорватские примеры лучше всего объяснить при помощи причастия, напр. *čistikuća* ‘женщина, убирающая дом’).

Мы считаем, что вопрос о том, какой формой является глагольная часть, является не важной и неоправданно навязанной традиционной лингвистикой. Суть данного вопроса — не форма, а ее значение. Но так как исследование показывает, что ее семантически можно отнести к различным глагольным формам (к императиву, настоящему времени, аористу, причастию), то можно сделать вывод о том, что данную форму нельзя однозначно определять, тем более ее нельзя называть только императивной. Это глагольная часть, которая формально совпадает с императивом, поэтому мы ее называем императиводной, показывая таким образом, что она лишь формально совпадает с повелительным наклонением.

В ОК реже встречаются сочетания глагола с другими частями речи — прилагательными, наречиями, местоимениями, союзами, междометиями (примеры с числительными мы вообще не обнаружили).

Комбинации „глагол + прилагательное” и „прилагательное + глагол” являются как-то неестественными, так как глагол в языке не сочетается с именем прилагательным по образцу типа **быстрый читать*. Но все-таки существуют такие ОК: *Новожиллов*, *Новокшинов* (упрощенное из новокрещен), *Gustovara* (топоним).

В исследуемом нами материале мы нашли лишь единичные примеры сочетания глагола и наречия, напр. в русских антропонимах *Долгожилов*, *Скородум*, *Вездегляд*, *Косогляд*, *Верховод*, в украинских антропонимах *Пустомолка*, *Вертопляс*, *Верхогляд*, *Вертолаз*, *Дармоид*, *Криворущенко*, *Скоропадський*, *Скорозод*, *Тиховод*, *Тихолаз*, *Тугодум*. Б. О. Унбегаум различает четыре группы таких сочетаний: а) ОК с первым (наречным) компонентом *сухо* — (*Суховаров*, *Суходаев*, *Сухоплюев*, *Сухоросов*), б) ОК с первым (наречным) компонентом *скоро* — (*Скородумов*, *Скорописов*, *Скороспелов*, *Скорозватов*), в) ОК с первым (наречным) компонентом *недо* — (*Недобоев*, *Недоддаев*, *Недогонов*, *Недоспасов*, *Недохлебов*, *Недосеев*)²⁰, г) ОК с различ-

²⁰ *Недо-* является не наречием, а приставкой.

- Петровский — 1995. Петровский Н. А. *Словарь русских личных имен*. — 4-е изд., доп. — Москва: Русские словари. — 414 с.
- Подольская — 1978. Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. — Москва: Наука. — 165 с.
- Прох — 1983. Прох Л. З. *Словарь ветров*. — Ленинград: Гидрометеиздат. — 312 с.
- Реєстр — 1995. *Реєстр Війська Запорозького 1649 року* / Підгот. до друку О. В. Тодійчук (голов. упоряд.) та ін. — Київ. — 592 с.
- Степанова — 1953. Степанова М. Д. *Словообразование современного немецкого языка*. — Москва: Изд-во лит-ры на иностранных языках. — 375 с.
- Степанова — 1953. Степанова М. Д. *Словообразование современного немецкого языка*. — Москва: Изд-во лит-ры на иностранных языках. — 375 с.
- Супаранская/Суслова — 1981. Супаранская А. В., Суслова А. В. *Современные русские фамилии*. — Москва: Наука. — 176 с.
- Унбегаун — 1989. Унбегаун В. О. *Русские фамилии*. — Перевод с англ. — Москва: Прогресс. — 443 с.
- Федоров и др. — 1961. Федоров А. В. и др. *Немецко-русские языковые параллели*. — Москва: Изд-во лит-ры на иностранных языках. — 303 с.
- Федосюк — 1996. Федосюк Юрий. *Русские фамилии*. — Москва: Русские словари. — 288 с.
- Шишкова — 1957. Шишкова Л. В. *О функциях сложных существительных в немецком языке* // Романо-германская филология. — Москва: АН СССР. — С. 78-95.

Die Verbalitdt der onomasiologischen Komposita

Zusammenfassung

Unter dem Begriff Verbalitdt der onomasiologischen Komposita (OK) verstehen wir eine Reflexion in den Komposita des verbalen Superdenotats, welche wir Direstat nennen, nach den ersten Buchstaben der drei Denotate — Dynamik (Handlung), Relation (Beziehung), und Statik (Zustand), d.h. seine Teile (Distatik, Direlat, Restatik) oder seine Elemente (Handlung, Zustand, Beziehung).

Das Verbum stellt ein untypisches Mittel zur Bildung von OK dar, weil sich die Semantik des Verbums einer breiteren onomasiologischen Verwendung widersetzt. Im allgemeinen treten in der Funktion von Eigennamen nur solche auf, die auch von Verben gebildet sein können. Das Verbum aber kann kein Eigennamen werden ohne den Verlust seiner Hauptfunktion.

In der Struktur der OK unterscheidet man zwei Teile: Der erste Teil besitzt hauptsächlich eine eher engere Bedeutung (aspektuelle Bedeutung) und erfüllt eine bestimmte attributive Funktion. Er prdiziert den Charakter des zweiten Gliedes. Der zweite Teil stellt das Hauptelement dar, das zu bestimmende Glied. Hier findet man zwei mögliche Kombinationen: a) Verb + Verb b) Verb + kein Verb (andere Wortart).

Der erste Fall bildet vollständige verbale OK, der zweite nur halbverbale OK. In dem von uns untersuchten Material der slawischen Sprachen fanden wir keine Beispiele des

ersten Typs, denn sobald man von der Verbalitdt des OK spricht, meint man automatisch die Verbindung des zweiten Typs.

In der deutschen Sprache ist die Verbindung von Verbum + Verbum hingegen möglich z.B.: kennenlernen.

Insgesamt gibt es zehn grundlegende theoretische Möglichkeiten der Bildung von C mit Hilfe des Verbums: 1. Verbum + Substantiv, 2. Substantiv + Verbum, 3. Verbum Adjektiv, 4. Adjektiv + Verbum 5. Verbum + Adverb, 6. Adverb + Verbum, 7. Verbum + Pronomen, 8. Pronomen + Verbum, 9. Verbum + Numerale, 10. Numerale + Verbum.

Das Verbum tritt in zwei Typen von Komposita auf: in den OK mit einem imperatoiden und nichtimperatoiden Teil.

OK existieren in allen slawischen und vielen indoeuropäischen Sprachen und werden auf verschiedene Art und Weise ausgelegt.

Der Großteil der Autoren neigen dazu, im verbalen Teil den Imperativ zu sehen.

Wir glauben, daß die Frage, welche Form der verbale Teil hat, unwichtig ist und ungerechtfertigter Weise von der traditionellen Linguistik aufgedrängt wurde.

Die Essenz der vorliegenden Frage ist nicht die Form, sondern ihre Bedeutung. Da die Forschung zeigt, daß man sie semantisch auf verschiedene verbale Formen (Imperativ, Prdsens, Aorist, Partizip) beziehen kann, darf man sie eben aus diesem Grund nicht nur imperativische nennen. Es handelt sich um einen verbalen Teil, der formal mit dem Imperativ zusammenfällt, weswegen wir ihn Imperatoid nennen, wobei wir durch die Bezeichnung zeigen, daß er nur formal mit der Befehlsform zusammenfällt. In den OK trifft man häufig auf Verbindungen des Verbums mit anderen Wortarten — mit Adjektiven, Adverbien, Pronomen, Konjunktionen, Interjectionen (Beispiele mit Numeralia wurden keine gefunden).